

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 141.4 + 141.2

Ф. Ф. Мухамедзянов

СООТНОШЕНИЕ ВЕРЫ И РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

Статья посвящена проблеме связи веры и разума в философии Николая Кузанского. На основе анализа его трудов предпринимается попытка обнаружить логику и способы превращения разума эпохи Средневековья. Интересны выводы автора: 1) с одной стороны, разум не в силах понять то, во что он верит, а с другой стороны, он точно знает, что именно его не удовлетворяет и что именно он ищет; 2) вера является основанием для ума, направляя его внутрь самого себя. В статье предпринята попытка на основе трудов Николая Кузанского разрешить следующий парадокс: с одной стороны, человеку дана основанная на вере религия, а с другой — основанное на работе разума понимание ее истоков, кроющихся в идее сотворенности мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Бог, ум, разум, интеллект, рассудок, вера.

Творчество Николая Кузанского для современного мира представляет особую ценность, заключающуюся в возможности исследования пути эволюции антично-средневековой мысли в новоевропейскую научную картину мира и дальше — к новейшим постмодернистским дискуссиям о тождестве и различии, единстве и множественности. Значение философского наследия Кузанца в рамках современных исследований определяется рядом причин. Во-первых, общей тенденцией современного научного общества преосмыслить *начала* культуры Модернити, желанием выявить ее новаторский характер и указать на формирование новейшей философской рефлексии; во-вторых, радикальной переоценкой роли и значения средневековой философской мысли и культуры в западноевропейской традиции. Учение Николая Кузанского представляет особый интерес в рамках исследования традиций немецкой мистики. Основанные на средневековых христианских ценностях, его философско-богословские концепции, в связи с принципом «назад к Кузанскому!», способны привести нас к пониманию христианских истоков европейской культуры.

В данной работе нас, однако, будет интересовать не эволюционный характер творчества Кузанца, т. е. не логика преобразования античного разума в средневековый и далее в нововременной, а конкретная проблема в учении Николая Кузанского — вопрос о соотношениях веры и разума (вопрос, поставленный собственно Средневековьем), который заключает в себе требующий разъяснения парадокс: с одной стороны, человеку дана требующая веры религия, а с другой — основанное на работе разума понимание ее истоков и законов.

Статья является попыткой представить, как в учении Николая Кузанского разум «мыслит» веру, а вера «убеждает и успокаивает» его и как можно понимать феномен «верующего разума» и «разумной веры». Мы задаемся целью исследовать соотношение веры (того, что эмпирически недоказуемо, основано на чуде или Откровении) и разума (требующего обоснований и доказательств, рациональности) в его сосредоточенной предельности, позволившей впоследствии обосновать новое разумение.

Согласно Николаю Кузанскому «Богочитание всегда направляется верой, скорее достигаемой через ученое незнание, а именно верой, что тот, кому поклоняются как Единому, есть единым образом все» [5, 93]. Кузанец убежден, таким образом, что всякое познание базируется на понимании, которое основано на вере. Другими словами, не будь понимания, познание было бы бессмысленным. Не будь веры, не было бы и понимающего познания. Чтобы приобрести знание, необходимо вначале иметь веру в нечто предстоящее, предвосхищающее, предчувствующее это знание, предуготовленное для приобретения знания. Следовательно, по Кузанцу, любое познание, понимание и знание начинается с нечто уже воспринятого на веру. Отсюда вера — это начало, začínающее и разрешающее движение рассудка.

Мы уже упомянули три стороны единого ума: сам ум, интеллект, отождествляемый с разумом, и рассудок. Разум как интеллект мыслится как «нечто интегральное, наиболее глубокое, бесконечное основание всей познавательной деятельности человека» [3, 74]. В человеческом разуме возникают первообразы вещей, которые он воспроизводит, будучи *конечным* образом бесконечного интеллекта, божественного разума, уделом которого является воплощение в конечном идеи бесконечного. Роль первообразов вещей играют «исходные идеи, которые нельзя свести ни к первоначальным ощущениям, ни к их рассудочной сумме» [5, 93]. Рассудок отличается от разумного понимания тем, что в своей работе не выходит за пределы ощущений, которые он суммирует, систематизирует и обобщает. Ум же обобщает все полученное интеллектом-разумом и рассудком.

Определив разные функции ума, постараемся понять существо веры. Кардинал усматривал существо веры, силы которой мы с необходимостью черпаем из области, которую желаем познать, в ученое незнание. Исток веры, утверждал мыслитель, находится всегда прежде знания, но сама вера извечно устремлена за границы знания, следовательно, она неуловима среди знания, но на ее наличие указывает чувство уверенности человека. По мнению философа, всякие поиски веры в области познанного оборачиваются неудачей.

Иногда у исследователей возникает мысль о том, что человек способен обрести подлинную веру посредством материальных, уже наличных в нашем

знании, узанных вещей. Кузанец выступал против этого взгляда. Он убежден, что «в любой области знания прежде всего заранее предполагаются (*praesupponuntur*) некоторые принимаемые только верой первоначала, на которых строится понимание всех последующих рассуждений. Всякий желающий достичь знания обязательно должен сначала верить этим первоначалам, без которых дальнейшее движение невозможно» [5, 173]. Предположение, которое выдвигается человеком до понимания, берется из области нашего сомнения (что и составляет предположение) с тем, чтобы перевести предполагаемое знание в осознанное убеждение. Отсюда можно заключить, что из мира сомнений и предположений, догадок и гипотез, а главное неопределенностей и неясностей с помощью *силы* веры в область знания привносятся начала, на основе которых происходит его развитие, т. е. перевод неопределенного в свойства узанного и обозначенного, узнаваемого здесь, по ту сторону бытия веры.

Подчеркнем, что, по мнению Кузанца, «вера свернуто заключает все умопостигаемое, понимание (*intellectus*) есть развертывание веры; вера руководит разумом, разум распространяет веру. Где нет крепкой веры, никакое настоящее понимание поэтому невозможно. Всем известно, что влечет за собой ошибка в первоначалах и шаткость основания» [Там же, 173]. Следовательно, вера тождественна пониманию, от ее силы и основательности зависит сила понимания. Кузанец определяет силу веры на основании ясности и качества понимания. Таким образом, если вера — это свернутый разум, а разум по определению является подобием ума (ум, согласно Николаю Кузанскому, является ограничением и мерой всех вещей. Ум бывает в себе, а бывает в теле. Разум является умом в теле. Об этом подробно написано в работе Николая Кузанского «Простец об Уме»), то вера заключает в себе и подобие ума, составляющими которого являются интеллект и рассудок. Ум, по мнению мыслителя, не есть то, что состоит из частей, но есть такое целое, которое преобразуется в интеллект и рассудок. Разум действует благодаря силе веры, вера является особым проявлением ума как возможности, предвосхищения каждого шага познания. Она пропитывает каждое движение познающего разума, являясь своего рода «шагами разума». Кузанец замечает, что, будучи актуальной, вера способна объять необъятное. Она — та сущность, которая обладает силами, позволяющими ей проникать во все труднодоступные уголки как явного (уже узанного), так и неявного (еще только предвосхищаемого) мира.

В чем же отличие ума и веры? Здесь важно сразу уяснить, что понимание отличается от познания тем, что понимание проникнуто характером «своего, собственного, принятого», а познание — это движение, путь к восприятию, схватывание его ради становления «своего». Так, утверждая, что крепкая вера есть залог настоящего понимания, Кузанец ясно указывает на соотношение веры и понимания как пути и цели, и чем точнее, явственнее и основательнее будет выверен и обозначен путь силами веры, тем более истинным, ясным и точным будет понимание. Вера и ум относятся друг к другу как подготовка к исполнению, движение к достижению цели. Чем более шатко основание, т. е. чем менее точен расчет, тем слабее представляется итог этого расчета, тем меньше в нем уверенности.

Вера — это еще и движение к пониманию, движение интеллекта, т. е. работа разума. В связи с этим встает вопрос о том, что же происходит с верующим, но не достигающим понимания разумом, как понимать веру в нечто, что разум не в силах уяснить? И что такое феномен веры в Бога?

Для наглядности попытаемся представить ситуацию рыбалки. Разум — своего рода удочка, которую он забрасывает в обитель ума. Так как цель не была четко определена, то нечто пойманное бесформенно. Удилище снова бродит по поверхности ума и ничего определенного схватить не может, а если и натывается на что-то, то, как правило, на то, что некогда уже было поймано. Это разочаровывает разум, возникают вопросы и сомнения. Одно дело — если бы он вовсе ничего не поймал, что не может произойти на территории ума, а другое дело — постоянно вытягивать из ума нечто неудовлетворительное и ненужное. Возникает ситуация, при которой можно сказать о потере веры, однако при всем при этом здесь есть одна странная и даже парадоксальная закономерность, которая заключается в том, что процесс отсеивания указывает на то, что разум прекрасно *знает* то, что его удовлетворит, и поэтому хладнокровно прощается с тем, что для него не важно.

На этот парадокс, заключающийся в том, что, с одной стороны, разум не в силах понять, во что он верит, а с другой стороны, он точно знает, что именно его удовлетворяет или не удовлетворяет и что именно он ищет, указывает и Кузанец, когда говорит о совершенной силе веры, которая словно «за руку» ведет интеллект, «чтобы он мог подняться над всякой рассудочностью (т. е., напомним, над ощущениями. — *Ф. М.*) к постижению истины. Ведомый этим светом... ум в некоем Богодвохновенном порыве оставляет свою немощь и слепоту... и убеждается, что, укрепленный словом веры, сам может двигаться в неложной надежде достичь обетований своей крепкой веры» [5, 334]. Протягивая «руку» интеллекту, «погрязшему» в рассудочной немощи и слепоте, вера способна помочь ему в постижении истины. Наш ум знает, как «выглядит» эта «рука» веры по той причине, что он по определению является образом Божественного ума, т. е. приобщенным к Истине.

Из сказанного необходимо заключить, что есть *нечто*, в чем разум и вера не могут совпасть. Бытие чего-то слишком важного не дает им покоя. По мнению философа, это *нечто* с необходимостью находится вне области ума и вне обители веры, так эти оба *приходят к нему, добиваются его*. Из сказанного логично заключить, что единственное, в чем может быть твердо уверен разум, это в существовании пределов своих возможностей, как и возможностей веры.

Обратимся к трактату Николая Кузанского «О сокрытом Боге», чтобы глубже проникнуться соотношением веры и разума. Для нас представляет интерес диалог, возникший между Язычником и Христианином в трактате Кузанца «О сокрытом Боге». Начало диалога основано на удивлении, которого не мог скрыть Язычник, увидевший льющего искренние слезы и простершегося ниц человека. Именно это странное благоговейное состояние и вызвало удивление, издревле считающееся началом философствования. Более того, это удивление возросло от вопроса к вопросу после того, как проливавший слезы человек представился Язычнику Христианином. Вот образец этого разговора:

«Язычник. Чему ты поклоняешься?»

Христианин. Богу.

Язычник. Кто этот Бог, которому ты поклоняешься?

Христианин. Не знаю.

Язычник. Что же ты с таким жаром поклоняешься, кому не знаешь?

Христианин. Поскольку не знаю — поклоняюсь.

Язычник. Удивительно мне смотреть, как человек привязан к тому, чего не знает» [5, 283].

Диалог сразу вводит парадокс. Христианин, пытаясь объяснить Язычнику причину своих слез, утверждает странность состояния познающего человека, который «меньше знает то, что будто бы знает, чем то, что явно сознает неизвестным» [Там же, 283]. Это неизвестное настолько его подавляет, что заставляет лить слезы, и настолько окрыляет (уверенность — это основание веры), что заставляет тут же вступить в разговор с незнакомцем ради объяснения того, что такое незнание и как оно проявляется. Таким образом, Кузанец заключает, что благодаря чувству неизведанности и незнания в человеке обретается вера в наличие первопричины этого чувства. Наличие этой причины заметил даже человек со стороны, Язычник.

Обратимся теперь к примеру, который Николай Кузанский привел в трактате «Об искании Бога»: «Когда художник ищет в массе дерева лицо царя, он отбрасывает все определенное другим образом, чем это лицо. Через замысел веры он видит в дереве лицо, которое его глаз хочет увидеть присутствующим явно; для глаза будущим является лицо, которое благодаря вере уже присутствует в интеллектуальном замысле для ума» [Там же, 303]. Отсюда следует, что вера представляет собой способность разума удерживать и сохранять свою цель. Вера здесь явлена как целенаправленный разум, который пытается не сбиться с намеченного верой пути. Она подобна путеводной звезде, постоянно напоминающей путнику о его цели. Прекращение нужды означает достижение определенной цели, но не окончание дела веры, поскольку открываются иные области познания. Обратим внимание, что упомянутое в цитате словосочетание «замысел веры» не случайно. Оно указывает на то, что вера неразрывно связана с умом, находясь с ним в диалоге.

Отсюда возникает другой немаловажный вопрос: благодаря каким силам вера разоблачает незнание и проникает в неизведанное и невидимое? На этот вопрос кардинал отвечает в третьей книге «Ученого незнания». Согласно Кузанцу с существом веры тесно связаны любовь и надежда. Он пишет, что «не живой, а мертвой, да вовсе не верой будет вера без любви. Любовь — форма веры, дающая ей истинное бытие; больше того, она — знак высшей крепости веры» [Там же, 177]. Вера, по мысли философа, своей любовью прокладывает путь в область незнания.

В другом месте «Ученого незнания» философствующий теолог утверждает, что «глубокой веры не может быть и без святой надежды обладать (fruitio) самим Иисусом» [Там же]. Святая надежда — несотворенная надежда. Она всегда приходит извне, из горнего мира. Кузанец утверждает, что лишь пребывая в святой надежде, можно проникнуться глубокой верой в грядущее,

чтобы проникнуть в ту сферу, где затем наступает обладание тем, на что были направлены силы надежды. В этой надежде человек предвосхищает необходимый для него покой интеллектуальных сил, уходя в молчание и бездвижность. Таким образом, по мысли Кузанца, вера и разум вместе уходят на покой: вера — заражая ум уверенностью в новом знании, а ум — находясь в аффекте от действия веры и будучи пораженным новым пониманием. Все сохраняется в таком положении до тех пор, пока неизвестность или удивление нового рода не пробудят их актуальность. *Пребывание в покое есть пребывание в чистом созерцании, что объясняет необходимость для Кузанца обратиться к идеям Майстера Экхарта, который своей задачей ставил описание парадигмы мистического опыта, соответствующего спекулятивной и визионерской мистике.* Описание этой парадигмы не является темой настоящей работы. Но об этом нельзя не упомянуть, поскольку речь идет о покое, представленном как точка, как то, что невидимо и неделимо и что является тем опорным пунктом, в который свертывается «старый» разум и разворачивается «новый».

Для нас важно, повторим, выяснить характер работы верующего (средневекового) ума, вышедшего за пределы дольного мира, мистического разума. Предвосхищение или предчувствие верующим умом той или иной еще не ставшей идеи Кузанец называет светом веры, которым питается интеллектуальная возможность, чтобы стать более совершенной. Он пишет о том, что «есть... свет, которые льются через божественное просвещение и ведут интеллектуальную потенцию к совершенству. Таков свет веры, которым просвещается интеллект, чтобы он мог подняться над всякой рассудочностью к постижению истины. Ведомый этим светом и веря, что он может достичь истину, которую не в силах достичь с помощью рассудка, этого как бы своего орудия, ум оставляет свою немощь и слепоту, ради которых опирался на посох рассудка, и убеждается, что, укрепленный словом веры, сам может двигаться в неложной надежде достичь обетований своей крепкой веры, к обладанию которыми он устремляется по пути любви» [5, 334].

По Кузанцу, именно сила божественного просвещения является проводником света веры. Здесь речь идет о просвечивании, которое настолько совершенно, что проникает даже туда, где нет никакого места. Это, безусловно, дело совершенного света, света верующего ума. Речь здесь идет о выходе ума за свои границы, вылазке в область незнания, что позволяет говорить о его постепенном совершенствовании в деле познания. В момент такого просвещения, по словам Кузанца, интеллект обретает уверенность в возможности двигаться в неизвестном направлении, при этом отказываясь от помощи рассудка.

Поясним еще раз, что такое рассудок, согласно Николаю Кузанскому, и почему от него необходимо отказываться. Как определяет его философ, «рассудок некоторым образом есть точность чувства, ибо в своей точности он соединяет чувственные числа, а чувственные вещи измеряются точностью рассудка, но это не простая истинная мера, а истинная лишь в соответствии с рассудком. Точность же рассудочных сущностей есть разум, истинная мера, а высшая точность разума — сама истина, которая есть Бог» [Там же, 211]. Рассудок представлен любым числом, тогда как разум представляется Кузанцем в виде единицы,

которая содержится во всяком числе и из которой состоит всякое число. Соотношения разума и рассудка раскрываются в словах теолога о том, что «именно с нисхождением рассудка в чувство чувство возвращается обратно к рассудку. Чувство возвращается в рассудок, рассудок — в разум, разум — в Бога; там начало и завершение, в полном круговороте. Итак, чувственное число возвращается в свое начало единства, чтобы через него суметь достичь разума, а через разум — Бога, цели всех целей. Цель чувственных вещей — душа, или рассудок. Значит, отдаляясь от единства рассудка, чувственная жизнь сбивается с пути возвращения и с цели; точно так же сбивается с пути рассудок, если он отходит от единства разума, да и разум, если он уклонится в сторону от абсолютного единства, которое есть истина» [5, 204]. Отсюда заключим, что чувство, рассудок и разум связаны друг с другом причинно-целевыми отношениями.

Целью чувства является рассудок, а последнего — разум, и наоборот, когда разум теряет равновесие, то становится рассудком, а тот — чувством. Для нас важно понять, по какой причине мы должны отказаться от рассудка в пользу разума. На этот вопрос Кузанец отвечает так: «Отбрасываешь рассудок, потому что он часто отказывает и постигает не все: хочешь знать, почему это — человек, почему это — камень, и не находишь никакого рассудочного основания всех деяний Бога; значит, сила рассудка мала и Бог не есть рассудок» [Там же, 303]. Таким образом, ущербность рассудка в том, что он не обладает силой постигнуть истину, не может добиться разума. Наступление рассудка означает бессилие разума, когда последний не в силах достигнуть истины, т. е. Бога. Поэтому, чтобы добиться истины, Бога, нам следует отказаться от рассудка и, более того, превозмочь силу разума.

В работе «О видении Бога» Николай Кузанский размечает шаги познания, которое можно назвать этическим. Во-первых, «через веру интеллект приходит к Слову»; во-вторых, «через любовь соединяется с ним»; в-третьих, «насколько приходит, настолько возрастает в добродетели» и, в-четвертых, «насколько любит, настолько утверждается в божественном свете». Все эти шаги не вовне, а внутри человека. Кузанец специально подчеркивает эту старую, от Августина идущую идею: «Слово божие внутри него, и ему не надо искать его вовне: он найдет его в своей глубине и сможет подойти к нему через реку. Молитвами он получит возможность подойти ближе; Слово прибавит ему веры, сообщив ему свой свет» [6, 91]. Молитва — пятый пункт познания, после которого совершается некий «оборот», *revolutio*: вера укрепляется верой, сообщенной Богом Словом. Это своего рода итог Богопознания. Таким образом, чем сильнее любовь и крепче вера ума, тем более явным, совершенным и прочным становится знание. В связи с этим правомерно следующее замечание Кузанца: с каким настроением и лицом ты взглянешь на Бога, в таком же выражении и Он предстанет перед тобой.

Для нас важно, что ум обнаруживает в себе тот свет божественного просвещения и ту любовь к познанию, что придают ему силы к поискам в области «нигде» и ту надежду, благодаря которой удерживается цель дела любви. Таким образом, в деле познания ум, по мнению мыслителя, направлен в себя, к своей сущности и основанию. Расширяя свои границы вглубь, ум, по Кузанцу,

«сжимает» Бога, т. е. приближается к своему «точечному» пределу до тех пор, пока этот предел не отменит ум, иначе — пока Бог не «вывернется» и не заместит его Собой, обозначив не только предел веры и разума, но и предел любви и надежды, за который человек перейти не может.

Итак, необходимо заключить, что Бог светит «из-за» основания ума и своим разумным светом освещает мир вещей. Разум является частью Божественного света, так как благодаря разуму вещи опознаются, различаются, осознаются и понимаются, что вкупе представляет собой своего рода творение из небытия. В этот момент рождается разумный человек и появляется мир как осознанный и опознаваемый.

Обратимся к Проповеди IV: *Fides autem Catholica* (Католическая вера), потому что именно здесь Николай Кузанский представил развернутые и ясные определения веры, которые позволяют еще точнее представить ее соотношение с разумом.

Кузанец пишет о том, что «вера приводит к высочайшей истине с помощью доверия и согласия. Надежда приводит к невероятной сложности, означая доверие и полагание. Любовь приводит к высшему добру с помощью возжелания и обожания. Вера согласна с Богом; надежда доверяет Богу; любовь обожает Его. Вера сосредоточена в интеллекте или разуме; надежда сосредоточена в мятежной природе; любовь сосредоточена в основе природы желания. Вера преследует Бога в настоящем; надежда сопровождает Бога на Небесах; любовь навечно охватывает Бога» [8, 60]. Таким образом, вера, по Кузанцу, не только убеждение, понимание, свернутый разум, движущая сила интеллекта, она есть также *доверие и согласие*, связанные с любовью и надеждой. Это значит, что любые акты суждения нагружаются актами нравственного суждения, а механизмы познавательных актов оказываются «механизмами нравственных актов спасения» [4, 15]. Делом веры является доверяющий и соглашающийся ум, который, поскольку любое рассуждение перед непостижимым — всего лишь вероятное рассуждение [Там же]. Более того, для Николая Кузанского «интеллект обладает двумя... свечениями вероятности и наглядности» [8, 60]. Сама эта двойственность — вероятности и наглядности — вовсе не свидетельствует о неуверенности разума, видящего *наглядно*. Это свидетельство *силы* разума, для которого наглядность означает не только примерность, но и степень доступности и понятности предметов познания, опора не только на конкретные визуальные предметы и их изображения, но и на их *модели*. Именно потому он продолжает: «Из данного рассмотрения очевидно, что верование в невероятное указывает нам на прочность и надежность нашего интеллекта» [4, 15].

Кузанец делит интеллект на верующий и требующий доказательств. Верующий интеллект просто понимает, он может и не выражать своего понимания, основываясь на Откровении. Требующий доказательств или сомневающийся интеллект, по мнению философа, «ищет опоры и вызывает к доказательствам, подобно тому, как если бы он поддерживал себя с помощью трости во время перехода от одного заключения к другому... Интеллект, ищущий доказательств, подобен продавцу, который ищет гарантий оплаты и, не получив их, не верит клиенту. Из-за поддержек, производимых доказательствами и гарантиями, ин-

теллект оценивается как немощный, подобно человеку, окруженному многочисленными подпорками, из-за которых его считают слабым на ноги. Аналогично тому, как трости не излечивают немощных, гарантии не заживляют интеллекта и, следовательно, не делают его сильнее» [8, 63]. Следовательно, искать доказательства или помощь для ума — значит сойти с верного (проложенного верой) пути и отвлечься от надежды, которая поддерживала уверенность в достижении цели, до которой ему нужно было добраться из любви к познанию. Когда познание отвлекается от своего дела, вере снова приходится прокладывать трудоемкий и непостижимый путь, на котором интеллект снова обнаруживает возможность преодолеть себя в пользу понимания божественного света. Таким образом, «вера защищает интеллект, нуждающийся в поддержке, от стрел, летящих во время споров. Она придает ему силу сопротивляться влиянию разнообразных мнений и противоречий, а также противостоять своей собственной немощи и медлительности. Вера является светом интеллекта, который торжествует над природным чувственным светом...» [Там же, 64].

Дело здесь не в том, что приоритет отдается вере. Дело в том, что впервые показывается роль *познающего*, доказательного разума, являющегося основанием для перехода к Новому времени и показывающего *переходность* мышления самого Кузанца. Перевес, правда, пока остается на стороне веры, которая всегда согласна с Богом, ее дело всегда направлено к единственному источнику ЛюБого направления. Упомянутое ранее «божественное просвещение» есть то, что сопровождает веру. Бог произнес Слово, т. е. создал образ своего Ума, и теперь задачей этого образа, уже нашего ума, является возвращение в Божественный Ум, но уже в виде осмысленного и успокоенного Слова, что достигается через самопознание. Именно потому, как считает Дж. Хопкинс, «вера онтологична, а не хронологична» [Там же, 64]. При этом сама природа верующего разума рассматривается Николаем Кузанским в свете *антропологии*. Это не абстрактная тема для размышлений о том, что такое ум, хотя без этого не обходится ни одно теоретическое рассуждение. Он замечает: «Когда веруешь в невероятные вещи, то сама вера связывается с силой верующего, а не с фактом того, что происходит дело навязывающей себя веры. Видение — дело яркости, сомнение же — дело интеллекта, делом же удивления является наслаждение и польза» [Там же, 62]. Субъектность познания подчеркивается не только метафорами яркости, полезного наслаждения, но и возникающим сомнением, желающим остаться только наедине с мыслью. По мысли философа, дело интеллекта (понимания) — это именно сомнение, из которого возникает движение к пониманию, которое пролегает через надежду, удерживающую цель веры, и любовь, которая отвечает за дело познания.

Удивление — состояние души, которым, как мы заметили, часто пользуется Кузанец и которое, как мы знаем, восходит к Аристотелю. В чем же отличие Кузанцева «удивления» от Аристотелева? В «Метафизике» Аристотель писал, что именно «удивление побуждает людей философствовать... они удивлялись тому, что непосредственно вызвало недоумение... недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим... к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы» [1, 159]. У Кузанца удивление связано также

с областью незнания. Разница в том, что Аристотель говорит о знании, которое ведет к пониманию окружающего мира, а Кузанец прямо указывает на то, что оно заключается в движении человеческого ума к Божественному уму. У Аристотеля об этом ни слова, знание не соотносится ни с Богом, ни с пользой, в то время как Кузанец именно в постижении Бога видит пользу для человека, желающего спасения.

В работе Николая Кузанского «О возможности-бытии» отмечается, что того, кто находится в вере, в ком актуален верующий ум, оставляют в покое разум, рассудок и чувства. Таким образом, тот, кто находится в глубокой вере, лишается ума-рассудка и становится без-умным. Как отметил Кузанец, «тот, кто носит облик Христа, оставляет мир. Это дух, который мудрость мира обращает безумием» [6, 155]. Следовательно, когда мы говорим о верующем человеке, то речь должна идти о верующем безумце, о Простоте, который является «как бы» автором трактатов Кузанца, оставившим разумный мир в покое. Не оставь рассудок ум в покое, мир сотворенных вещей стал бы помехой для уверенности в небывалом, в том, что еще не существует.

В этой же работе Кузанец пишет, что «высшее блаженство, которое есть духовное созерцание (*visio intellectualis*) самого Всемогущего, есть исполнение того нашего желания, благодаря которому мы все хотим знать»; у кого нет такого желания, «тот не достигнет и знания Бога и *не познает самого себя*. Ведь он не может познать себя, созданного причиной, раз он не знает причины. Поэтому такой ум, не имея возможности все познать, будет духовно во мраке смерти томиться в вечном недоумении» [Там же, 158].

Здесь Кузанец подчеркивает две возможности для ума. Первая заключается в наличии антропологического пафоса: речь идет о познании человеком самого себя, известном со времен Сократа, и здесь такое познание означает Богопознание, т. е. речь идет о средневековом *христианском* понимании разума, весьма отличном от неоплатонического, с которым иногда отождествляют учение Кузанца об уме. Вторая возможность представляет собой *intellectus*-понимание в пределе, которое является пониманием самого совершенного рода, когда оно превращается в созерцание, которое есть мистический разум. В этом и состоит заветная цель *всякой* веры и движимого ею разума. Кузанец убежден, что предельная цель веры — стремление к универсальному знанию. Мы помним из предыдущих заключений, что перед тем как начнется работа верующего ума, его должен оставить в покое рассудок, который по определению отвечает за различение и называние вещей.

По мнению Кузанца, отступив на второй план, рассудок как бы дремлет, и в этот момент ум заканчивает внешнюю чувственно-исследовательскую деятельность, а затем начинает движение внутрь себя, к *visio intellectualis*. Затем приходит черед успокоиться верующему уму. Его успокоение наступает с окончанием работы познающего ума, и все начинается сначала. Удовлетворение верующего ума наступает тогда, когда его замещает *visio intellectualis* (видящее познание или духовное созерцание). В этом случае ум лишается не только своего рассудочного состояния (вглядывания в мир вещей), но и верующего ума (всматривающегося внутрь), который никогда не появляется без своих

извечных, прокладывающих ему дорогу «верных» спутников (надежды и любви). Только тогда, когда ум отбрасывает все перечисленное, может произойти смена его исследовательского, или *логического*, начала.

Из сказанного заключим, что вера, по мысли философа, в этой системе «бытия ума» играет значительную, если не первостепенную роль. Она позволяет уму нащупать путь, дойдя до конца которого, ему, быть может, удастся преобразиться из «добывающегося знания» в «достигнувшее основание всякого знания». Вера представляет собой путь ума вовнутрь себя, его преобразование в созерцание.

Что же происходит с умом, который не может, ввиду слабости сил любви и надежды, прорваться к своему преобразованию, к окончанию своего исследовательского пути? Кузанец считает, что такой ум, который не имеет возможности все познать, «будет духовно во мраке смерти томиться в вечном недоумении» [6, 158], в области вопросов, сомнений и предположений.

Характер отношений веры и разума Кузанец проясняет с помощью метафоры зрения: «Левый глаз — это разум, который создает суждения только о естественных вещах. Правый глаз — это вера, которая определяет все вещи, и естественные, и сверхъестественные» [Там же]. Таким образом, лицо, которое здесь специально не упомянуто, представляет собой образ ума.

Вспомним упомянутый в самом начале парадокс, когда, с одной стороны, нам дана основанная на вере религия, а с другой — основанное на работе разума понимание ее истоков и законов. Как без веры не может быть твердого понимания, так и без работы разума дело веры остается бесцельным. Таким образом, вера обеспечивает работу разума в деле понимания, а уже ясное и понятное им распространяется в виде твердого знания. Следовательно, разум распространяет веру как то, благодаря чему он обретает силы познавать. Вера окрыляет разум на подвиги, а понимание укрепляет веру. Таким образом, наш парадокс на самом деле, в глубине своего основания, провозглашает величайшей силы связь между верой и разумом. Именно парадокс и является важнейшим логическим основанием средневекового мышления.

1. *Аристотель*. Соч. / ред.-сост. Т. Г. Тетенькина. Калининград, 2002.

2. *Ахутин А. В.* Понятие «природа» в Античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М., 1988.

3. *Библер В. С.* От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.

4. *Неретина С. С.* Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск, 1995.

5. *Николай Кузанский*. Соч. : в 2 т. М., 1979. Т. 1.

6. Там же. Т. 2

7. *Coincidentia oppositorum*: от Николая Кузанского к Николаю Бердяеву. СПб., 2010.

8. *Николай Кузанский*. Проповедь IV. Католическая вера [Электронный ресурс]. URL: <http://jasper-hopkins.info/CusaSermonsI.pdf>